

УДК 347.736
doi:10.35853/vestnik.gu.2024.12-3.06
5.1.3.

О преюдиции в банкротных спорах и ростовщических процентах

Айдар Рустэмович Султанов

Представительство «Пепеляев Групп» в Татарстане,
Нижнекамск, Россия, a.sultanov@pgplaw.ru

Аннотация. В данной статье разберем, как Конституционный Суд РФ рассмотрел вопрос преюдиции в банкротных спорах, попутно разрешив старый доктринальный спор об объективных пределах преюдиции, а также вопрос обратной силы нормы Гражданского кодекса РФ, позволяющей снижать ростовщические проценты.

Ключевые слова: преюдиция, обязательность судебного акта, правовая квалификация, ростовщические проценты

Для цитирования: Султанов А. Р. О преюдиции в банкротных спорах и ростовщических процентах // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12, № 3. С. 72–98. DOI 10.35853/vestnik.gu.2024.12-3.06.

On Prejudice in Bankruptcy Disputes and Usurious Interest

Aidar R. Sultanov

The Pepelyaev Group Representative Office in the Republic of Tatarstan,
Nizhnekamsk, Russia, a.sultanov@pgplaw.ru

Abstract. This article will examine how the Constitutional Court of the Russian Federation addressed the issue of prejudice in bankruptcy disputes, while also resolving the long-standing doctrinal dispute about the scope of prejudice and the retroactive effect of a Civil Code of the Russian Federation provision allowing for the reduction of usurious interest.

Keywords: prejudice, binding judicial act, legal qualification, usurious interest

For citation: Sultanov AR. On Prejudice in Bankruptcy Disputes and Usurious Interest. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2024;12(3):72-98. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2024.12-3.06.

Вхождение в проблему

Когда справедливость исчезает, то не остается ничего, что могло бы придать ценность жизни людей.

И. Кант

Прежде чем комментировать Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2023 № 60-П «По делу о проверке конституционности статьи 809 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 3 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. В. Филатова», полагаем необходимым отметить, что вопрос преюдиции и обязательности судебных актов, а также их преодоления не является новым – он регулярно ставится жизнью с разных сторон.

Мы сами ее ранее рассматривали с точки зрения права обжалования судебных актов [Султанов 2022].

Комментируя положения ст. 16 АПК РФ, мы отмечали, что в настоящий момент проблема преодоления обязательности судебных актов стоит наиболее особенно остро в банкротных делах [Комментарий к арбитражному процессуальному кодексу ... 2021]. Уже сформировалась единообразная судебная практика Верховного Суда РФ, согласно которой при оспаривании судебных актов конкурсными кредиторами и конкурсными управляющими, представляющими новые доказательства, их жалобы необходимо рассматривать в судах апелляционной инстанции применительно к положениям о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам.

Так, в Определении СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24 декабря 2015 г. № 304-ЭС15-12643 указано, что «...реализация арбитражным управляющим его права на обжалование судебного акта в порядке пункта 24 постановления № 35 с представлением новых доказательств должна осуществляться в специальном порядке, а именно с учетом разъяснений, содержащихся в пункте 22 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 36¹. При этом данные разъяснения не препятствуют последовательному обжалованию судебного акта в случае, если имеется такая возможность, и обращающееся с жалобой лицо ссылается только на неправильное применение норм права и иные обстоятельства, не требующие сбора, исследования и оценки доказательств».

В Определении Верховного Суда РФ от 21 февраля 2019 г. № 306-ЭС18-25654 указано, что «поскольку Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации не имеет полномочий по сбору и оценке доказательств, такими полномочиями обладают только суды первой и апелляционной инстанций (статьи 65, 71, 162, 268 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации), данная кассационная жалоба подлежит рассмотрению судом апелляционной инстанции применительно к правилам рассмотрения заявления о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам при их доказанности заявителем (глава 37 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации). Аналогичная позиция содержится в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2015 № 304-ЭС15-12643»².

Другая проблема, имеющая отношение к обязательности судебных актов, связана с разрешением споров при наличии конкурирующих судебных актов. Как отмечал Кон-

¹ Пункт 22 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 мая 2009 г. № 36 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» закреплял правило, которое теперь воспроизведено в п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции»: «В случае когда после рассмотрения апелляционной жалобы и принятия по результатам ее рассмотрения постановления суд апелляционной инстанции принял к своему производству апелляционную жалобу лица, участвующего в деле и подавшего жалобу в срок, установленный процессуальным законодательством, либо лица, не привлеченного к участию в деле, права и обязанности которого затронуты обжалуемым судебным актом (статья 42 АПК РФ), такую жалобу следует рассматривать применительно к правилам рассмотрения заявления о пересмотре судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам».

² Подобные выводы можно найти в Определении Верховного Суда РФ от 8 февраля 2019 г. № 305-ЭС19-2227; Определении Верховного Суда РФ от 3 октября 2018 г. № 310-ЭС18-15114; Определении Верховного Суда РФ от 3 октября 2018 г. № 310-ЭС18-15114; Определении Верховного Суда РФ от 27 февраля 2018 г. № 304-ЭС17-23577; Определении Верховного Суда РФ от 20 декабря 2017 г. № 307-ЭС17-19575; Определении Верховного Суда РФ от 16 октября 2017 г. № 304-ЭС17-14862; Определении Верховного Суда РФ от 13 сентября 2017 г. № 305-ЭС17-12703; Определении Верховного Суда РФ от 10 мая 2017 г. № 305-ЭС17-3956; Определении Верховного Суда РФ от 27 июля 2016 г. № 306-ЭС16-11134; Определении Верховного Суда РФ от 7 апреля 2016 г. № 306-ЭС16-2045; Определении Верховного Суда РФ от 25 марта 2016 г. № 305-ЭС16-2645; Определении Верховного Суда РФ от 10 марта 2016 г. № 306-ЭС16-995 и др.

ституционный Суд РФ, «признание преюдициального значения судебного решения, направленное на обеспечение стабильности и общеобязательности этого решения и исключение возможного конфликта судебных актов, предполагает, что факты, установленные судом при рассмотрении одного дела, впредь до их опровержения принимаются другим судом по другому делу в этом же или ином виде судопроизводства, если имеют значение для его разрешения» (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2011 № 30-П).

Соответственно, часто можно было услышать точку зрения, что Конституционный Суд РФ рассматривает преюдицию как опровержимую презумпцию.

Анализируя положения статьи 69 АПК РФ, мы отмечали, что, раскрывая основания освобождения от доказывания в данной статье, законодатель указывает, что «обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица». Но данное положение отнюдь не означает, что лицо, участвующее в деле, не может их оспаривать, то есть в АПК РФ не предусмотрена преюдиция, а лишь презумпция истинности фактов, установленных вступившим в законную силу судебным актом. Причем эта презумпция вполне преодолима, но бремя приведения доказательств, оспаривающих данную презумпцию, лежит на заинтересованной стороне [Султанов 2011].

Данный подход разделялся не только практикой арбитражных судов, но и в разъяснениях Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Так, в частности, давая разъяснения «О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств» в Постановлении от 23 июля 2009 г. № 57, он указал, что «при подготовке к судебному разбирательству дела о взыскании по договору арбитражный суд определяет круг обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дела, к которым относятся обстоятельства, свидетельствующие о заключенности и действительности договора, в том числе о соблюдении правил его заключения, о наличии полномочий на заключение договора у лиц, его подписавших. В ходе рассмотрения дела суд исследует указанные обстоятельства, которые, будучи установленными вступившим в законную силу судебным актом, не подлежат доказыванию вновь при рассмотрении иска об оспаривании договора с участием тех же лиц (часть 2 статьи 69 АПК РФ). Судам также следует иметь в виду, что независимо от состава лиц, участвующих в деле о взыскании по договору и в деле по иску об оспаривании договора, оценка, данная судом обстоятельствам, которые установлены в деле, рассмотренном ранее, учитывается судом, рассматривающим второе дело. *В том случае, если суд, рассматривающий второе дело, придет к иным выводам, он должен указать соответствующие мотивы.*

То есть Высший Арбитражный Суд РФ исходил из того, что в ст. 69 АПК РФ содержится не правило преюдиции, а презумпция, которая является опровержимой. Такой подход, на наш взгляд, позволяет оставаться суду судом, который может действительно отправлять правосудие, а не быть следствием некоторых «странных судебных решений», неправосудность которых очевидна. Отрицать наличие такой проблемы означало бы смотреть на мир через «розовые очки» и тем самым оставлять проблему неразрешенной, поскольку лишь после того, как она рассмотрена внимательно, воспринята «как есть», она может быть разрешена.

С такой позицией вполне согласен и Верховный Суд РФ, что отчасти следует из Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», в котором было разъяснено, что «по смыслу частей 2, 3 статьи 61 ГПК РФ или частей 2, 3 статьи 69 АПК РФ обстоятельства, установленные при рассмотрении дела по иску о праве на имущество, не имеют обязательного характера для лиц, не участвовавших в деле. Такие лица могут обратиться в суд с самостоятельным иском о

праве на это имущество. В то же время при рассмотрении названного иска суд учитывает обстоятельства ранее рассмотренного дела о праве на спорное имущество, независимо от того, установлены ли они судебным актом суда общей юрисдикции или арбитражного суда. *Если суд придет к иным выводам, нежели содержащимся в судебном акте по ранее рассмотренному делу, он должен указать соответствующие мотивы*. Такой же подход воспроизведен в Определении Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 699-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “Газпром добыча Уренгой” на нарушение конституционных прав и свобод частью третьей статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

Таким образом, при рассмотрении гражданских дел вполне допустимо преодоление презумпции истинности установленных фактов в решении арбитражных судов и судов общей юрисдикции, но такое преодоление обязательно должно быть мотивированным.

Еще в 2011 году ставился вопрос о расширении полномочий ВАС РФ, позволяющих преодолевать преюдицию судебных актов нижестоящих судов в рамках надзорного производства. Так, Председатель ВАС РФ пояснял, что «...в судебной войне одной компании с другой заявляется 20–30 исков и случайно или умышленно по одному из дел решение вступило в законную силу. Но при этом совершенно очевидно, что дело было решено неправильно. Но такое решение имеет преюдицию, и когда слушается основное дело, в котором заключен главный смысл этого конфликта, то оказывается, что преюдициальный акт препятствует его объективному рассмотрению. Мы постоянно сталкиваемся с такой проблемой при рассмотрении корпоративных споров. Особенно часто подобные ситуации возникают, если, например, решение выносится где-то на Дальнем Востоке и о нем никто не знает, а потом оно служит основным оружием в этой корпоративной войне или в споре о недвижимости. То есть существует неправильное решение, за которым следует вал неправильных выводов и соответствующих дел. Для того чтобы решить эту проблему, мы и хотим предложить ограниченную определенными рамками процедуру, которая позволит ВАС РФ преодолеть преюдицию...» [Арбитражная судебная система: сделано многое ... 2011].

По настоящее время никакой новой процедуры в АПК РФ для преодоления «преюдиции» не появилось, то есть законодатель не согласился с данной идеей.

Но на практике такие случаи встречаются, при этом Верховный Суд РФ в своей практике обращает внимание, что такое преодоление должно быть мотивированным: «Оценка судом доказательств по своему внутреннему убеждению не означает допустимость ситуации, при которой одни и те же документы получают диаметрально противоположное толкование судов в разных делах без указания каких-либо причин для этого. Такая оценка доказательств не может быть признана объективной» (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2016 № 305-ЭС15-17704).

Дальнейшее развитие проблема разрешения споров в условиях наличия конкурирующих между собой судебных актов общей юрисдикции и арбитражных судов получила в Определении СКЭС ВС от 20 августа 2020 № 309-ЭС20-2354 (1, 2) по делу № А50-23227/2018:

«При наличии противоречивых выводов об обстоятельствах дела, изложенных во вступивших в законную силу судебных актах арбитражного суда и суда общей юрисдикции, при разрешении спора суд не может ограничиться формальной ссылкой на результат рассмотрения спора по одному из данных дел и на положения статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2016 № 305-ЭС14-7445). В такой ситуации суд должен самостоятельно повторно установить фактические обстоятельства дела и на основе этого разрешить спор. В то же время при рассмотрении иска суд должен учесть обстоятельства ранее рассмотренных дел. Если суд придет к иным выводам, нежели содержащиеся в судебных актах по ранее рассмотренным делам, он должен указать

соответствующие мотивы (применительно к разъяснениям пункта 4 Постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»).

Поэтому в спорной ситуации для начала было необходимо проанализировать те выводы, к которым пришли арбитражный суд и суд общей юрисдикции по ранее рассмотренным делам, а затем уже решить, имеется ли между данными судебными актами подлинная конкуренция, требующая повторного установления всех существенных обстоятельств.

Суд общей юрисдикции ограничился лишь формальным набором доказательств и констатацией фактов заключения договоров и совершения платежных операций, то есть в условиях, когда обязательства сторон были столь сложно сконструированы, не установил всю совокупность отношений сторон.

В отличие от Пермского краевого суда арбитражный суд в рамках первого дела полно и всесторонне определил отношения сторон, вникнув в суть совершенных сделок.

При таких условиях между судебными актами отсутствовала подлинная конкуренция: выводы по второму делу, рассмотренному судом общей юрисдикции, не могли противопоставляться и опровергаться выводы, к которым пришел арбитражный суд в первом деле».

Впрочем, вышеуказанный кейс включал в себя разрешение вопроса о конкуренции уже вступивших судебных актов, а не разрешение вопроса о применении положений ст. 69 АПК РФ.

В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20.04.2022 № 308-ЭС21-26679 по делу № А53-24369/2019 выражена позиция, что преодоление законной силы судебных актов должно осуществляться только посредством установленных для этого процедур, например обжалования, а не путем разрешения арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве общества, возражений о неприменении постановления суда общей юрисдикции: «...суд общей юрисдикции в резолютивной части своего постановления от 14.01.2021 не только снял арест с имущества общества, но и определил его дальнейшую судьбу, указав на то, что на данное имущество может быть обращено взыскание исключительно для удовлетворения требования фонда, изложенного в исполнительном листе № 64. Суждения арбитражных судов апелляционной инстанции и округа относительно того, что упомянутое имущество подлежит реализации в составе конкурсной массы общества для погашения задолженности перед всеми кредиторами, означают, по сути, преодоление требования об обязательной силе постановления суда общей юрисдикции вопреки положениям части 1 статьи 6 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», согласно которой судебные постановления, вступившие в законную силу, являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации».

Соответственно, принятие к рассмотрению дела Конституционным Судом, где одним из требований был вопрос о неконституционности ст. 69 АПК РФ, вызвало большой интерес. К сожалению, тексты обращений в Конституционный Суд РФ не публикуются и до рассмотрения дела мы смогли ознакомиться только с актами арбитражных судов, в которых были применены нормы по делам заявителя.

**Обстоятельства, послужившие основанием для обращения
в Конституционный Суд РФ**

С. В. Филатов (заемщик) и гражданин Н. (заимодавец) 17 мая 2013 года заключили на срок до 31 декабря того же года договор займа на сумму 16 892 000 руб. под 15 процентов в месяц с условием о сложном проценте.

До 2018 года С. В. Филатов производил частичное погашение задолженности по договору. За период с 1 января 2014 года по 3 июня 2018 года ответчик возвратил истцу основной долг в размере 10 023 767 рублей. Сумма долга ответчика на момент заявления иска перед истцом по договору составляла 6 868 233 рубля³.

Решением Дзержинского районного суда города Волгограда от 28 февраля 2019 года Н. отказано – со ссылкой на пропуск срока исковой давности – в удовлетворении предъявленных к должнику требований о взыскании суммы долга и процентов по договору. Суд, руководствуясь разъяснениями, содержащимися в пункте 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 года № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», исходил из того, что уплата части долга не свидетельствует о признании долга в целом (поскольку иное не оговорено должником) и не прерывает течение срока исковой давности.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 19 июня 2019 года указанное решение отменено, требования Н. удовлетворены, с Филатова в пользу истца взысканы денежные средства в счет погашения суммы займа в размере 37 341 507 рублей 08 копеек.

Учитывая свою неспособность погасить данную сумму, в июле 2019 года С. В. Филатов подал заявление о признании его банкротом, которое Определением Арбитражного суда Волгоградской области от 30 июля 2019 года признано обоснованным, в связи с чем в его отношении введена процедура реструктуризации долгов. Определением того же суда от 3 октября 2019 года требование Н., вытекающее из договора займа и подтвержденное апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 19 июня 2019 года, включено в третью очередь реестра требований кредиторов в размере 71 379 217 руб. 17 коп.

Решением Арбитражного суда Волгоградской области от 2 марта 2020 года С. В. Филатов признан банкротом, введена процедура реализации имущества.

С. В. Филатов обжаловал в кассационном порядке апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 19 июня 2019 г. Помимо довода о пропуске срока исковой давности, он указал, что апелляция не исследовала обстоятельства заключения договора займа, расписка от 17.05.2013 ответчиком ранее не подписывалась, учитывая кабальные условия сделки; что оставлен без внимания пункт 3 договора займа, который содержит условия о сложных процентах, что противоречит части 2 статьи 317 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 33 Постановления Пленума ВС РФ от 22.11.2016 № 54.

Кассационная жалоба С. В. Филатова была удовлетворена и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 19 июня 2019 года отменено (Определение судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23 декабря 2019 года) с направлением дела на новое апелляционное рассмотрение.

При новом рассмотрении определением судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 6 августа 2020 года в силе оставлено изначальное решение суда первой инстанции об отказе кредитору в иске по мотиву пропуска срока исковой давности, с чем согласился вышестоящий суд (кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19 ноября 2020 года).

³ Апелляционное Определение Волгоградского областного суда от 06.08.2020 по делу № 33-7581/2020.

Позволим себе подробно процитировать апелляционное определение с тем, чтобы читатель мог в последующем сравнить объем исследованных доказательств и доводов сторон.

«Как разъяснено в пункте 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2001 года № 15, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2001 года № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», который действовал на момент возникновения спорных правоотношений и на момент обращения в суд и вынесения оспариваемого судебного постановления утратил силу в связи с принятием Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 года № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», обстоятельства, перечисленные в статье 203 Гражданского кодекса Российской Федерации, являются безусловными основаниями для перерыва течения срока исковой давности; суд при рассмотрении заявления стороны в споре об истечении срока исковой давности применяет правила о перерыве срока давности и при отсутствии об этом ходатайства заинтересованной стороны при условии наличия в деле доказательств, достоверно подтверждающих факт перерыва течения срока исковой давности.

Аналогичные разъяснения содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 года № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», действовавшего на момент разрешения спора по существу.

Пунктом 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 года № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» разъяснено, что истечение срока исковой давности является самостоятельным основанием для отказа в иске (абзац второй пункта 2 статьи 199 Гражданского кодекса Российской Федерации). Если будет установлено, что сторона по делу пропустила срок исковой давности и не имеется уважительных причин для восстановления этого срока для истца – физического лица, то при наличии заявления надлежащего лица об истечении срока исковой давности суд вправе отказать в удовлетворении требования только по этим мотивам, без исследования иных обстоятельств дела.

Течение срока исковой давности прерывается предъявлением иска в установленном порядке, а также совершением обязанным лицом действий, свидетельствующих о признании долга (статья 203 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Согласно разъяснениям, приведенным в абзаце 2 пункта 20 вышеназванного Постановления, к действиям, свидетельствующим о признании долга в целях перерыва течения срока исковой давности, в частности, могут относиться: признание претензии; изменение договора уполномоченным лицом, из которого следует, что должник признает наличие долга, равно как и просьба должника о таком изменении договора (например, об отсрочке или о рассрочке платежа); акт сверки взаимных расчетов, подписанный уполномоченным лицом.

В соответствии с пунктом 21 этого же Постановления перерыв течения срока исковой давности в связи с совершением действий, свидетельствующих о признании долга, может иметь место лишь в пределах срока давности, а не после его истечения. Вместе с тем по истечении срока исковой давности течение исковой давности начинается заново, если должник или иное обязанное лицо признает свой долг в письменной форме (пункт 2 статьи 206 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Положения новой редакции пункта 2 статьи 206 Гражданского кодекса Российской Федерации о возможном течении срока исковой давности заново после признания должником в письменной форме суммы долга введены Законом № 42-ФЗ, вступившим в действие с 1 июня 2015 года, и с учетом пункта 2 статьи 2 указанного Закона применяются к тем правам и обязанностям, которые возникнут после дня вступления в силу данного Федерального закона, если иное не

предусмотрено данной статьей; по правоотношениям, возникшим до дня его вступления в силу, положения Гражданского кодекса Российской Федерации (в редакции названного Закона) применяются к тем правам и обязанностям, которые возникнут после дня вступления в силу Закона № 42-ФЗ, если иное не предусмотрено названной статьей.

При этом согласно пункту 83 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 года № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств” положения Гражданского кодекса Российской Федерации в измененной Законом № 42-ФЗ редакции не применяются к правам и обязанностям, возникшим из договоров, заключенных до дня вступления его в силу (до 1 июня 2015 года). При рассмотрении споров из названных договоров следует руководствоваться ранее действовавшей редакцией Гражданского кодекса Российской Федерации с учетом сложившейся практики ее применения (пункт 2 статьи 4, абзац второй пункта 4 статьи 421, пункт 2 статьи 422 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Положения пункта 2 статьи 206 Гражданского кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 8 марта 2015 года № 42-ФЗ “О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации”, согласно которому течение срока исковой давности начинается заново, если по истечении срока исковой давности должник признает свой долг в письменной форме, действуют с 1 июня 2015 года и в силу статьи 2 данного Закона не могут применяться к рассматриваемым правоотношениям, возникшим до 1 июня 2015 года.

Названное разъяснение, основанное, прежде всего, на пункте 2 статьи 422 Гражданского кодекса Российской Федерации, направлено на обеспечение стабильности договоров, заключенных до соответствующего изменения гражданского законодательства: в отсутствие дополнительных волеизъявлений сторон о применении к их отношениям нового регулирования они подчиняются ранее действовавшей редакции Гражданского кодекса Российской Федерации. Вместе с тем, применительно к регулированию исковой давности это не исключает ни возможности заключения сторонами новых соглашений, подчиненных уже новому регулированию, ни права стороны в соответствии с законом и договором в одностороннем порядке своим волеизъявлением изменить режим своей обязанности в пользу другой стороны.

Поэтому, если сторона письменно в одностороннем порядке или в соглашении с другой стороной, подтвержденном в двустороннем документе, признает свой возникший из заключенного до 1 июня 2015 года договора долг, исковая давность по которому не истекла на момент введения в действие Закона № 42-ФЗ, однако уже истекла к моменту такого признания долга, то к отношениям сторон подлежит применению пункт 2 статьи 206 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Письменного признания долга С. В. Филатова материалы дела не содержат.

Совершение С. В. Филатовым как обязанным лицом каких-либо действий, свидетельствующих о признании долга, судебной коллегией не установлено.

В суде первой инстанции, а также в апелляционной жалобе истец указывает, что погашением части долга по спорному договору течение срока исковой давности было прервано, поэтому течение срока исковой давности началось после последнего платежа, произошедшего в мае 2018 года (том 1, л. д. 143).

Вместе с тем приведенные положения гражданского процессуального закона не предполагают произвольной оценки доказательств судом.

Действительно, в материалах дела имеются расписки Н. о получении от Ф.С. в счет погашения долга перед ним денежных средств, представленные ответчиком в подтверждение оплаты долга (том 1 л. д. 69-100). Между тем данные расписки сами по себе не свидетельствуют о признании ответчиком долга и не могут служить доказательством прерыва срока исковой давности в рамках спорных правоотношений, поскольку не содержат указания на признание долга. А признание части долга, в том числе путем уплаты его части, как разъяснено в абзаце 3 пункта 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 года № 43 “О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности”, которым руководство-

вался суд первой инстанции, не свидетельствует о признании долга в целом, если иное не оговорено должником.

Бремя доказывания наличия обстоятельств, свидетельствующих о перерыве, приостановлении течения срока исковой давности, возлагается на лицо, предъявившее иск (пункт 12 названного Постановления). Следовательно, истец должен доказать факт перерыва либо приостановления течения срока исковой давности. Вместе с тем истцом не представлено относимых и допустимых доказательств наличия оснований для перерыва либо приостановления течения срока исковой давности, а материалы дела не содержат таких доказательств, как не содержат доказательств, свидетельствующих о действиях ответчика по признанию всей суммы долга.

При таком положении, принимая во внимание указанные выше разъяснения, **суд апелляционной инстанции, вопреки доводам истца, приходит к выводу о том, что частичная оплата по договору займа не свидетельствует о прямом признании должником долга в оставшейся сумме и не может быть обстоятельством, прерывающим в соответствии со статьей 203 Гражданского кодекса Российской Федерации течение срока исковой давности.**

Таким образом, течение трехгодичного срока исковой давности началось 1 января 2014 года и с исключением, с учетом положений абзаца 2 части 3 статьи 107 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, из указанного срока нерабочих дней истек 9 января 2017 года.

Согласно материалам дела, исковое заявление Н. подано в суд 28 августа 2018 года, то есть по истечении срока исковой давности. При этом объективных доказательств уважительности причин пропуска срока на обращение в суд с данным иском истцом представлено не было.

Принимая во внимание изложенное, а также учитывая, что истец обратился в суд с иском по истечении срока исковой давности, обстоятельств, свидетельствующих об уважительности причин пропуска истцом срока исковой давности, не установлено, вывод суда первой инстанции об отказе в удовлетворении требований Н. в связи с пропуском срока исковой давности судебная коллегия находит правильным, соответствующим установленным судом обстоятельствам и положениям пункта 2 статьи 199 Гражданского кодекса Российской Федерации о том, что истечение срока исковой давности, о применении которого заявлено стороной в споре, является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске.

Как следует из разъяснений, содержащихся в абзацах 2 и 3 пункта 26 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 года № 43 "О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности", согласно пункту 1 статьи 207 Гражданского кодекса Российской Федерации с истечением срока исковой давности по главному требованию считается истекшим срок исковой давности и по дополнительным требованиям (проценты, неустойка, залог, поручительство и т. п.).

При таких данных суд первой инстанции, с учетом установленных по делу обстоятельств и требований закона, правомерно отказал в удовлетворении иска, правильно разрешив возникший между сторонами спор...

Довод жалобы о прерывании срока исковой давности частичной уплатой должником основного долга со ссылкой на пункт 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2001 года № 15, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2001 года № 18 "О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности", не влечет отмену судебного постановления, поскольку на момент обращения в суд и вынесения оспариваемого решения данное Постановление утратило силу в связи с принятием Пленумом Верховного Суда Российской Федерации Постановления от 29 сентября 2015 года № 43 "О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности", а согласно части 1 статьи 3 Федерального конституционного закона от 4 июня 2014 года № 8-ФКЗ "О внесении изменений в Федеральный конституционный закон 'Об арбитражных судах в Российской Федерации'

и статьи 2 Федерального конституционного закона 'О Верховном Суде Российской Федерации' ", разъяснения по вопросам судебной практики применения законов и иных нормативных правовых актов арбитражными судами, данные Пленумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, сохраняют свою силу до принятия соответствующих решений Пленумом Верховного Суда Российской Федерации.

Доводы апелляционной жалобы о наличии нарушений норм процессуального права в части разрешения заявленных истцом, но не принятых к рассмотрению судом уточнений иска, не могут служить основанием для отмены обжалуемого судебного решения, поскольку отказ в принятии уточненного иска при том, что суд отказал в иске, применив срок исковой давности, не повлек таких последствий, которые могли являться основанием для отмены или изменения судебного решения».

Надо отметить, что в апелляции не удалась попытка истца «убить дело» путем приведения доводов о том, что заявленные требования истца подлежат рассмотрению только в деле о банкротстве и иск не подлежит рассмотрению в связи с тем, что Арбитражным судом Волгоградской области вынесено Определение от 30 июля 2019 года о введении отношении Филатова процедуры реструктуризации долгов гражданина, а также решение от 2 марта 2020 года о признании Филатова несостоятельным. Мы использовали выражение «убить дело», поскольку в банкротном деле в ряду оснований было заявлено в качестве юридического факта апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 19 июня 2019 года и после его отмены это дело представляло угрозу кредитору.

Филатов на основании данного апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 6 августа 2020 года подал заявление о пересмотре по новым обстоятельствам. 22.01.2020 Филатов С. В. обратился с заявлением о пересмотре по новым обстоятельствам Определения Арбитражного суда Волгоградской области от 03.10.2019 по делу № А12-22987/2019.

Решением Арбитражного суда Волгоградской области от 11.06.2020, оставленным без изменения постановлением Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.07.2020, заявление Филатова С. В. удовлетворено, Определение Арбитражного суда Волгоградской области от 03.10.2019 о включении требований Никифорова Т. С. в размере 71 379 217,17 руб. в реестр требований кредиторов Филатова С. В. отменено по новым обстоятельствам.

При новом рассмотрении гражданского дела по исковому заявлению Никифорова Т. С. к Филатову С. В. о взыскании суммы долга по договору займа апелляционным определением Волгоградского областного суда от 06.08.2020 по делу № 33-7581/2020 решение Дзержинского районного суда г. Волгограда от 28.02.2019 по делу № 2-151/2019 оставлено без изменения, апелляционная жалоба Никифорова Т. С. – без удовлетворения.

Определением Арбитражного суда Волгоградской области от 03.09.2020 по настоящему делу, оставленным без изменения постановлением Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.12.2020, в удовлетворении заявления Никифорова Т. С. о включении требований в реестр требований кредиторов должника Филатова С. В. отказано.

Два последних акта отменены Постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 5 февраля 2021 года, и обособленный спор направлен на новое рассмотрение; при этом суд кассационной инстанции, сославшись на часть 3 статьи 69 АПК Российской Федерации, обратил внимание нижестоящих арбитражных судов на то, что они не связаны выводом судов общей юрисдикции о пропуске кредитором срока исковой давности и обязаны проверить наличие оснований для такого вывода самостоятельно.

В Постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 5 февраля 2021 года № Ф06-69433/2020 по делу № А12-22987/2019 было указано:

«...применяя преюдицию, предусмотренную частью 3 статьи 69 АПК РФ, судами не учтено следующее. В силу части 3 статьи 69 АПК РФ вступившее в законную силу решение суда общей юрисдикции по ранее рассмотренному гражданскому делу обязательно для арбитражного суда, рассматривающего дело, по вопросам об обстоятельствах, установленных решением суда общей юрисдикции и имеющих отношение к лицам, участвующим в деле.

Иными словами, положения данной нормы касаются лишь **вопроса освобождения от доказывания фактических обстоятельств дела, а не их правовой квалификации, которая может быть различной и зависит, в том числе, от характера конкретного спора.**

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, в системе действующего правового регулирования предусмотренное частями 2 и 3 статьи 69 АПК РФ основание освобождения от доказывания во взаимосвязи с положениями части 1 статьи 64 и части 4 статьи 170 того же Кодекса означает, что только фактические обстоятельства (факты), установленные вступившим в законную силу судебным актом по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2011 № 30-П, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21.03.2013 № 407-О, от 16.07.2013 № 1201-О, от 24.10.2013 № 1642-О, от 27.03.2018 № 742-О).

При этом вопросы применения норм материального права преюдициального значения не имеют (правовая позиция, выраженная в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 по делу № 305-ЭС15-16362).

Таким образом, положения части 3 статьи 69 АПК РФ касаются лишь вопросов освобождения от доказывания обстоятельств дела, а не их правовой квалификации.

Как указано в Постановлении Конституционного суда Российской Федерации от 21.12.2011 № 30-П (абзац 8 пункта 3.1), как признание, так и отрицание преюдициального значения окончательных судебных решений не могут быть абсолютными и имеют определенные, установленные процессуальным законом пределы.

Следовательно, преюдициальными могут являться только факты, которые стороны выносили на обсуждение суда и которые тот проверил. Если факт не был предметом разбирательства и не являлся предметом доказывания по делу, то он не имеет преюдициального значения для суда, рассматривающего другое дело по спору между теми же сторонами. Обстоятельства, хотя и отраженные в судебном акте, могут не иметь преюдициального значения, если они не исследовались и не оценивались.

Учитывая изложенное, арбитражный суд не связан выводами других судов о правовой квалификации рассматриваемых отношений и толковании правовых норм, а признание правовых выводов, содержащихся в судебных актах по ранее рассмотренным делам, обстоятельствами, которые не требуют доказывания, ошибочно. **Правовые выводы не могут рассматриваться в качестве обстоятельств, не требующих доказывания.**

Из содержания решения Дзержинского районного суда от 28.02.2019 и апелляционного определения Волгоградского областного суда от 06.08.2020 следует, что в удовлетворении иска Никифорова Т. С. к Филатову С. В. о взыскании задолженности по договору займа от 17.05.2013 отказано по мотиву пропуска срока исковой давности, при этом какие-либо обстоятельства о наличии долга, реальности заемных отношений судами общей юрисдикции не устанавливались.

Отказывая в удовлетворении заявления Никифорова Т. С. в рамках настоящего обособленного спора, суды первой и апелляционной инстанции сослались лишь на преюдициальное значение для настоящего дела вывода судов общей юрисдикции об истечении срока исковой давности по требованию о взыскании долга по договору займа. При этом самостоятельные исследования не проведены и оценка доводов должника об истечении срока исковой давности по заявленному к включению в реестр требованию и доводам Никифорова Т. С. о прерывании течения срока исковой давности, в нарушение положений статьи 71 АПК РФ, судами не дана.

В соответствии с разъяснениями пункта 14 Постановления Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» возражения на требования конкурсных кредиторов, основанные на пропуске исковой давности, являются средством защиты заинтересованных лиц, а потому могут заявляться любым лицом, имеющим право на заявление возражений относительно требований кредиторов в соответствии со статьями 71 или 100 Закона о банкротстве.

Если обстоятельства, на которые ссылаются указанные лица, подтверждаются в судебном заседании, арбитражный суд выносит определение об отказе во включении требования данного кредитора в реестр требований кредиторов в связи с пропуском срока исковой давности (пункт 2 статьи 199 ГК РФ).

Исходя из указанных разъяснений, в случае обращения стороны спора с заявлением об истечении срока исковой давности факт данного истечения подлежит обязательному исследованию и установлению в конкретном деле с учетом всех доводов сторон.

При этом в силу пунктов 10, 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм ГК РФ об исковой давности» сторона, заявившая об истечении срока исковой давности, несет бремя доказывания обстоятельств, свидетельствующих о таком истечении. В свою очередь, сторона, настаивавшая на прерывании течения срока исковой давности, также обязана представить соответствующие доказательства.

Основываясь на правовых выводах, изложенных в судебных актах судов общей юрисдикции, об истечении срока исковой давности, суды первой и апелляционной инстанции, в нарушение статьи 71 АПК РФ, части 4 статьи 170 АПК РФ и вышеуказанных разъяснений, отстранились от исследования и оценки обстоятельства истечения срока исковой давности в настоящем обособленном споре в рамках дела о банкротстве Филатова С. В. Однако установление данных обстоятельств имеет значение для правильного разрешения настоящего дела».

Мы специально подчеркнули некоторые части постановления, которые, на наш взгляд, носят принципиальный характер, фактически они демонстрируют, что продолжается старый спор о том, что же освобождается от доказывания в новом процессе. Касается ли это только конкретных обстоятельств, или все же ничтожность сделки также будет считаться доказанной?

Одна из позиций этого старого доктринального спора заключалась в том, что «правовая оценка устанавливаемых судом фактов не входит в понятие объективной истины потому, что эта оценка хотя и является деятельностью суда, но имеет субъективный характер»⁴, поэтому же только фактическими обстоятельствами дела ограничивал действие принципа объективной истины и М. Г. Авдюков [Авдюков 1970, с. 85–88].

Не приводя всех аргументов этой нескончаемой дискуссии, мы лишь укажем, что нам всегда была ближе точка зрения А. Т. Боннера, который писал, что «рассматривая гражданское дело по существу, суд не просто устанавливает “истину факта”, а истину фактов, имеющих юридическое значение... что предметом истинных суждений суда в гражданском процессе служат не только фактические обстоятельства дела, но подтверждаемые судом правоотношения <...> Суд интересуется далеко не все факты объективной действительности, но лишь такие факты, с которыми закон связывает определенные правовые последствия. В связи с изменением закона юридически безразличные факты могут приобрести значение юридических и наоборот. Соответственно, рассматривая дело определенной категории после вступления в действие нового закона, суд может заниматься установлением фактов, которые не интересовали его в период действия старого законодательства, и, напротив, не будет исследовать факты, утратившие значение юридических, в связи с изменением закона» [Боннер 2017, с. 118].

⁴ Курс советского гражданского процессуального права. Т. 1 / отв. ред. А. А. Мельников. М., 1981. С. 192 (автор главы – В. М. Семенов).

Если подытожить, то можно позицию Боннера сформулировать как «преюдиция порождается именно юридическими фактами, а не любыми фактами, установленными судом», что означает включение правовой оценки в качестве обязательного элемента установленного юридического факта.

Однако, как мы уже говорили, ВАС РФ, довольно часто сталкиваясь со странными «преюдицирующими судебными актами», порожденными в результате самострелов, междусобойчиков и прочих процессуальных злоупотреблений, несколько по-другому отнеслся к применению ст. 69 АПК РФ.

Так, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 15 июня 2004 г. № 2045/04 говорится буквально следующее: «...в соответствии с частью 2 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации не доказываются вновь при рассмотрении судом другого дела, в котором участвуют те же лица, обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда. Данная норма освобождает от доказывания фактических обстоятельств дела, но не исключает их различной правовой оценки, которая зависит от характера конкретного спора».

Кроме того, в п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 57 «О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств» было разъяснено, что «независимо от состава лиц, участвующих в деле о взыскании по договору и в деле по иску об оспаривании договора, оценка, данная судом обстоятельствам, которые установлены в деле, рассмотренном ранее, учитывается судом, рассматривающим второе дело. В том случае, если суд, рассматривающий второе дело, придет к иным выводам, он должен указать соответствующие мотивы»⁵.

С одной стороны, в данном постановлении расширены субъективные границы «преюдиции», но, с другой, – размыты объективные границы «преюдиции» в результате исключения обязательности правовой оценки.

В дальнейшем такой подход толковался как исключаящий обязательность правовой оценки (Определение ВАС РФ от 28.12.2012 № ВАС-17521/12 по делу № А51-497/2011, Определение Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 302-ЭС19-473(13) по делу № А33-4262/2017, Определение Верховного Суда РФ от 10.07.2018 № 307-АД18-976 по делу № А56-27290/2016 и др.).

Более того, такое толкование уже оспаривалось в Конституционном Суде РФ, который в отказном Определении Конституционного Суда РФ от 06.11.2014 № 2528-О «По запросу администрации Краснодарского края о проверке конституционности части 2 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» выразил следующие правовые позиции:

«...в системе действующего правового регулирования предусмотренное частью 2 статьи 69 АПК Российской Федерации основание освобождения от доказывания во взаимосвязи с положениями части 1 статьи 64 и части 4 статьи 170 того же Кодекса означает, что только фактические обстоятельства (факты), установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 2013 года № 407-О, от 16 июля 2013 года №1201-О, от 24 октября 2013 года № 1642-О и др.).

Именно такое толкование и применение оспариваемой в запросе Администрации Краснодарского края нормы, вопреки утверждению заявителя, находит отражение в сложившейся практике арбитражных судов, последовательно придерживающейся того, что часть 2 статьи 69 АПК Российской Федерации освобождает от доказывания фактических обстоятельств дела, но не исключает их различной

⁵ Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 57 «О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9.

правовой оценки, которая зависит от характера конкретного спора (постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 июня 2004 года № 2045/04, от 31 января 2006 года № 11297/05 и от 25 июля 2011 года № 3318/11)».

Современные исследователи вопросов преюдиции пишут, что «...соотношение преюдициальности фактических обстоятельств дела и обязательного значения правовой оценки этих обстоятельств можно выразить в следующей формуле. Фактические обстоятельства, установленные судом, должны иметь преюдициальное значение при рассмотрении другого дела с участием тех же лиц, а правовой оценке этих обстоятельств следует придать характер опровержимой процессуальной презумпции: суд при наличии существенных обстоятельств, которые не были учтены судом в предыдущем деле, вправе дать фактическим обстоятельствам иную правовую оценку, изложив в судебном решении мотивы, по которым он не может согласиться с ранее данной правовой оценкой... возможность опровержения выводов суда о правовой оценке фактических обстоятельств – это скорее исключение из общего правила. В практике арбитражных судов не так много судебных актов, в которых суды отказывались руководствоваться правовой оценкой, данной фактическим обстоятельствам в ином деле. Однако само наличие такой возможности могло бы стать важной правовой гарантией, позволяющей судам выносить более объективные и справедливые судебные решения» [Мацкевич 2020].

Однако вернемся к описанию судебных актов, послуживших основанием для обращения в Конституционный Суд РФ.

По результатам нового рассмотрения заявления Н. о включении основанного на договоре займа требования в реестр требований кредиторов должника в его удовлетворении отказано определением Арбитражного суда Волгоградской области от 24 мая 2021 года, оставленным в силе постановлением Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 августа 2021 года, вновь в связи с пропуском срока исковой давности с учетом упомянутых разъяснений, данных Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 29 сентября 2015 года № 43.

Эти судебные акты в очередной раз отменены Постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 21 октября 2021 года, указавшим, что при разрешении вопроса о пропуске кредитором срока исковой давности подлежат учету действовавшие на момент заключения договора займа разъяснения, которые содержатся в пункте 20 совместного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2001 года № 15 и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2001 года № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности». В Постановлении также было указано, что

«...противоречивое поведение должника соответствует пункту 2 статьи 10 ГК РФ и свидетельствует о его недобросовестности, Никифоров Т.С. со ссылкой на позицию, изложенную в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.11.2011 № 17912/09 по делу № А54-5153/2008/С16, считает возможным не применять срок исковой давности в случае его пропуска.

Действительно, заявление о применении срока исковой давности является одним из способов защиты прав, следовательно, на него распространяется правило о возможности отказа в судебной защите лицу, злоупотребляющему своими правами. Если ответчик своими действиями создал ситуацию, препятствующую своевременной подаче иска (например, намеренно ввел истца в заблуждение относительно наличия обстоятельств, могущих явиться основанием иски, а после того как иск все же был предъявлен, заявил о пропуске срока давности), суд может отказать в применении срока исковой давности. В силу пунктов 1 и 2 статьи 10 ГК РФ не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных

формах. В случае несоблюдения указанных требований арбитражный суд может отказать лицу в защите принадлежащего ему права. Одним из средств достижения правовой определенности является эстоппель, который препятствует недобросовестному лицу изменять свою первоначальную позицию, выбранную ранее модель поведения и отношения к определенным юридическим фактам и тем самым вносит определенную конкретность в правоотношения. Оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации (пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»). Положения статьи 195 ГК РФ устанавливают, что исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено. Исходя из указанной нормы, под правом лица, подлежащим защите судом, следует понимать субъективное гражданское право конкретного лица. Однако судебные инстанции при рассмотрении спора не обсудили вопрос о наличии в действиях кредитора признаков злоупотребления правом. Учитывая, что вопрос пропуска срока исковой давности имеет существенное значение и в удовлетворении требований Никифорова Т. С. было отказано лишь на том основании, что срок давности пропущен, с учетом вышеизложенного, принятые по настоящему делу судебные акты подлежат отмене».

Ознакомившись с данным постановлением, память услужливо подсказала случаи, когда срок исковой давности игнорировался судами под флагом борьбы со злоупотреблением правом. Суды не могли согласиться с тем, что подобным образом можно не обращать внимания на срок исковой давности. При таком подходе получается, что на срок исковой давности может рассчитывать только добросовестное лицо, не нарушившее закона или договора... Однако же это не так, срок давности призван не защищать добросовестного участника гражданского оборота, а вносить в отношения сторон правовую определенность.

Профессор Г. Ф. Шершеневич пришел к следующему выводу: «**Действительное основание давности заключается в том, что общество нуждается в прочном порядке и всякая неопределенность отношений, способная колебать приобретаемые права, возбуждает против себя протест.** На этом основывается ограничение собственника при строгом осуществлении его права собственности в торговом обороте, на этом же основывается и давность. С течением времени утрачиваются доказательства, умирают свидетели; и возбужденный через много лет спор способен нарушить целый ряд установившихся отношений. **По воле законодателя время прекращает такую неопределенность**»⁶. Принцип правовой определенности имеет своей целью обеспечить участников соответствующих отношений возможностью точно спрогнозировать результат своих действий и в том числе дать надежду, что права данных лиц будут защищены, что при разрешении спора действия правоприменителя также будут прогнозируемы и предсказуемы и не будут меняться от случая к случаю [Султанов 2007].

Что же касается принципа эстоппель к сроку исковой давности, то, на наш взгляд, он применим лишь в случае признания долга либо в случае неподачи заявления о применении срока исковой давности в суде первой инстанции. Все остальные действия кредитора, осуществленные в судах по оспариванию займа, по нашему мнению, никаким образом не влияют на течение и применение срока исковой давности.

Вернемся к описанию судебных актов по делу. Принятое Арбитражным судом Поволжского округа Постановление от 21 октября 2021 года послужило основанием для отмены определения о прекращении производства по делу о банкротстве С. В. Филатова по новым обстоятельствам и для возобновления производства по делу с введением в

⁶ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. М., 2005. С. 223 (первое изд.: Казань, 1894).

отношении должника процедуры реализации имущества (решение Арбитражного суда Волгоградской области от 13 декабря 2021 года и Определение того же суда от 16 марта 2022 года).

Определением Арбитражного суда Волгоградской области от 01.06.2022 в третью очередь реестра требований кредиторов Филатова С. В. включены требования Никифорова Т. С. в размере **400 798 764,95 руб.**

В данном определении суд счел, что сроки исковой давности не пропущены, а также отклонил довод представителя должника о завышенной процентной ставке по договору займа как несостоятельный, поскольку стороны при заключении договора свободны в определении их условий. Размер процентов за пользование суммой займа сторонами был согласован при заключении договора займа, в уменьшении процентов также было отказано.

Данное определение было оставлено без изменения Постановлением Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.08.2022 и Постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 25 ноября 2022 года.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 13 января 2023 года, с которым согласился заместитель Председателя *этого* суда (письмо от 16 марта 2023 года), С. В. Филатову отказано в передаче кассационной жалобы на судебные акты арбитражных судов для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

В результате Филатов оспорил положения, согласно которым:

статья 809 ГК Российской Федерации – в примененной судами в его деле редакции – допускает взыскание ничем не ограниченных и экономически необоснованных процентов за пользование займом, влекущих несправедливое обогащение заимодавца;

часть 3 статьи 69 АПК Российской Федерации позволяет арбитражным судам игнорировать выводы судов общей юрисдикции, содержащиеся во вступивших в законную силу судебных актах и касающиеся истечения срока исковой давности по заявленным в суд требованиям, при условии применения одних и тех же правовых норм к тем же самым обстоятельствам дела.

Выводы Конституционного Суда РФ о конституционности статьи 809 Гражданского кодекса Российской Федерации

Долг – начало рабства, даже хуже рабства, потому что кредитор неумолимее рабовладельца: он владеет не только вашим телом, но и вашим достоинством и может при случае нанести ему тяжкие оскорбления.

В. М. Гюго

Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2023 № 60-П «По делу о проверке конституционности статьи 809 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 3 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. В. Филатова» было вынесено по результатам рассмотрения дела без проведения слушания. На наш взгляд, сам факт роста с первоначально-го требования в размере 6,8 млн руб. до 400 млн руб. порождает сомнения в соразмерности и справедливости договорных условий.

Прежде всего отметим, что сами по себе факты неравноценности обмена и несоразмерности платы в гражданском обороте довольно часто доводятся до сведения высших инстанций.

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.08.2023 № 305-ЭС23-5624 по делу № А40-193861/2022 гласит:

Одним из элементов публичного порядка Российской Федерации является принцип соразмерности гражданско-правовой ответственности, предполагающий

восстановление нарушенного права, **но не обогащение в результате защиты нарушенного (оспоренного) права (пункт 1 статьи 1, пункт 1 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации).**

Принцип запрета неосновательного обогащения является выражением общепринятых принципов равенства и справедливости, а также конституционного принципа недопустимости осуществления прав и свобод человека и гражданина с нарушением прав и свобод других лиц (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.02.2018 № 10-П).

Принцип законности судебного решения, включающий в себя в широком смысле законность, обоснованность, мотивированность, окончательность судебного акта, является основополагающим принципом российского права, поскольку только таким судебным актом устанавливается правовая определенность спорных отношений и определяются взаимные права и обязанности их участников.

...Вынесение третейским судом решения об отказе обществу «Энел Рус Винд Кола» в удовлетворении требований о взыскании с общества «Кантрева» неотработанных авансов при отсутствии доказательств сдачи результата работ на взыскиваемые суммы, каких-либо первичных документов, подтверждающих объем затрат общества «Кантрева» на исполнение договорных обязательств, отсутствии актов сверки расчетов сторон означает фактически изъятие частной собственности общества «Энел Рус Винд Кола» без подтверждения факта встречного предоставления со стороны общества «Кантрева», что свидетельствует также о нарушении принципов соразмерности взыскания и справедливого судебного разбирательства как элементов публичного порядка Российской Федерации.

Так, 22 ноября Верховный Суд вынес Определение № 310-ЭС23-14161 по делу № А14-2462/2022, которым отменил принятые судебные акты и передал дело о взыскании неосновательного обогащения и процентов за пользование чужими денежными средствами на новое рассмотрение, поскольку доводы истца о несоблюдении банком требований разумности и добросовестности при установлении в одностороннем порядке спорного тарифа за операцию по перечислению денежных средств на счета физических лиц, открытые в банке, не получили надлежащей оценки судов.

Конституционный Суд РФ также обратил внимание в данном деле, что в судебных актах традиционно обращалось внимание на отсутствие безграничной договорной свободы в определении процентов за пользование займом и на то, что в сочетании с принципом добросовестного поведения участников гражданских правоотношений соответствующая норма не исключает обязанность суда оценить условия конкретного договора с точки зрения разумности и справедливости. С одной стороны, эти условия не должны быть явно обременительными для заемщика, а с другой – не могут игнорироваться и интересы кредитора. Как следствие, суды приходили к выводу, что встречное предоставление не может быть основано на несправедливых договорных условиях, наличие которых надлежит квалифицировать как недобросовестное поведение, а в случае очевидной несоразмерности требований кредитора о взыскании процентов по договору займа такие требования должны рассматриваться в качестве попытки получить неосновательное обогащение и не подлежат удовлетворению (Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2012 года № ВАС-16905/12 по делу № А32-5274/2011⁷, определения Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года № 83-КГ16-2 и от 28 февраля 2017 года № 16-КГ17-1, Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18 января 2018 года № Ф08-10323/2017 по делу № А32-38485/2016 и др.).

Этот список можно и далее продолжать. Конституционным Судом РФ удачно сформулированы правила системной интерпретации Гражданского кодекса РФ, согласно которым *«наделение заемщика и займодавца правом самостоятельно определять в*

⁷ Отметим, что Конституционный Суд РФ счел вполне уместным сослаться на отказное определение ВАС РФ, поскольку оно было надлежащим образом мотивировано, в отличие от отказных определений Верховного Суда РФ, выносимых в настоящее время...

договоре размер процентов, которые подлежат начислению за пользование заемными средствами, в системе действующего правового регулирования не может быть интерпретировано как обладание ими ничем не ограниченной свободой в этом вопросе. Статья 1 ГК Российской Федерации прямо требует от участников гражданских правоотношений действовать добросовестно при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей и запрещает извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (пункты 3 и 4), а его статья 10 в числе общих положений гражданского законодательства специально оговаривает, что не допускается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав, и вводит правило, согласно которому при несоблюдении указанных требований суд, арбитражный или третейский суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично либо применяет иные меры, предусмотренные законом (пункты 1 и 2). К тому же статья 307 названного Кодекса возлагает на стороны любого обязательства требование при его установлении, исполнении и после прекращения действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию (пункт 3)».

Неудивительно, что на данную проблему обращал внимание и законодатель, который Федеральным законом от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ в дополнение к гарантиям защиты прав заемщика, вытекающим из общих положений гражданского законодательства, в статью 809 ГК Российской Федерации внес норму о том, что размер процентов по договору займа, заключенному, в частности, между гражданами, когда он является чрезмерно обременительным для должника, может быть уменьшен судом до размера процентов, обычно взимаемых при сравнимых обстоятельствах.

Данная норма по своему смыслу, не предопределяя решения суда по заявленному требованию, в том числе в части снижения процентов (что относится к дискреции суда и зависит от фактических обстоятельств конкретного дела), тем не менее предполагает обязанность суда оценить заявленную кредитором ко взысканию сумму процентов с точки зрения ее справедливости и отсутствия в действиях кредитора признаков злоупотребления правом.

Фактически этой нормой законодатель «освободил из оков формализма» суды, предоставив в каждой конкретной ситуации разрешать спор с учетом всех обстоятельств, уменьшать размер взыскиваемых процентов, либо узаконил уже существующее право судов, лишь сделав явным и определенным данное право, реализовав требования должной правовой процедуры.

Но законодатель не придал данной норме обратной силы, и поэтому суды ее не меняли, поскольку правоотношения возникли до принятия данной нормы.

Соответственно, Конституционный Суд РФ был вынужден в первую очередь проанализировать возможность применения новой нормы в данном деле:

«Как следует из пункта 2 статьи 4 и пункта 2 статьи 422 ГК Российской Федерации, если после заключения договора принят закон, устанавливающий для его сторон иные правила, чем те, которые действовали при заключении договора, условия заключенного договора сохраняют силу, за исключением случаев, когда принятым законом предусмотрено распространение его действия на отношения, возникшие из ранее заключенных договоров. Это согласуется с общим принципом действия закона во времени, согласно которому только законодатель вправе распространить новые нормы на факты и порожденные ими правовые последствия, которые возникли до введения этих норм в действие, т. е. придать закону обратную силу (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2009 года № 1549-О-П, от 24 сентября 2012 года № 1747-О, от 29 января 2015 года

№ 211-О и др.). Поэтому предусмотренное частью 3 статьи 9 Федерального закона от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ правило о том, что положения данного Кодекса в редакции данного Федерального закона применяются к договорам, заключенным после дня его вступления в силу, не выходит за рамки дискреционных полномочий законодателя.

Вместе с тем, поскольку пункту 5 статьи 809 ГК Российской Федерации формально не придана обратная сила, в судебной практике, ранее ориентированной в аналогичных ситуациях на применение общих положений статей 1 и 10 данного Кодекса, создается возможность интерпретировать такое решение законодателя как указание на то, что вопрос о справедливости (соразмерности) процентов за пользование займом не входит – с учетом принципа свободы договора – в предмет судебной оценки при рассмотрении судами требований из договоров займа, заключенных до вступления в силу Федерального закона от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ. Соответственно, ставится под сомнение возможность заемщика воспользоваться гарантиями, предусмотренными общими положениями гражданского законодательства, для защиты от несправедливых притязаний кредитора в части требования об уплате процентов».

Как мы уже отметили, законодатель, возможно, лишь отразил в законе сложившуюся судебную практику. Соответственно, этому предположению отвечает суждение Конституционного Суда РФ, что

«...само по себе отсутствие непосредственного указания законодателя на возможность применения пункта 5 статьи 809 ГК Российской Федерации с обратной силой не должно восприниматься как введение ограничений права заемщика, заключившего договор займа до вступления в силу Федерального закона от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ, на судебную защиту и вовсе не препятствует ему использовать в целях защиты от явно несправедливых процентов, установленных соглашением с займодавцем, ограничение ростовщических процентов, в том числе с учетом судебной практики, сложившейся до внесения изменений в эту статью. Вытекающие из статей 8 (часть 1), 17 (части 1 и 3), 34 (часть 1), 55 (часть 3) и 75.1 Конституции Российской Федерации запрет злоупотребления правом, принцип добросовестности при осуществлении гражданских прав и требование сбалансированности прав и обязанностей сторон в договоре на основе принципов равенства и справедливости изначально не предполагали абсолютной свободы сторон договора займа в определении процентов за пользование заемными средствами, а потому дополнение статьи 809 ГК Российской Федерации пунктом 5 о ростовщических процентах на самом деле не повлекло установления неизвестных ранее правил уменьшения размера процентов за пользование займом, а фактически уточнило порядок такого уменьшения. Введя в регулирование договора займа категорию ростовщических процентов, законодатель лишь обеспечил развитие уже выработанного судебной практикой подхода, корреспондирующего конституционным предписаниям.

Внесенные в статью 809 ГК Российской Федерации изменения направлены на усиление гарантий прав заемщика от взыскания с него явно чрезмерных процентов. В связи с этим и с учетом принципа поддержания доверия к закону и действиям государства сам по себе вывод суда о необходимости применить к спору ранее действовавшую редакцию этой статьи не может препятствовать полноценной судебной защите интересов должника и по договорам займа, заключенным до вступления Федерального закона от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ, в силу, по крайней мере, положения, когда предусмотренные ими проценты с очевидностью имеют экономически необоснованный характер. Отказ же суда снизить несправедливо высокие проценты исключительно по мотиву того, что договор займа заключен до внесения изменений в эту статью, не отвечал бы задаче обеспечить надлежащий баланс прав и обязанностей сторон, заключивших договор, а также препятствовал бы каждой из них пользоваться правом на полную и эффективную судебную защиту и правом защищать свои права всеми способами, не запрещенными законом (статья 45, часть 2; статья 46, часть 1, Конституции Российской Федерации)».

Согласимся с тем, что кодификация правовых позиций судов законодателем не должна означать, что они теперь должны применяться только на будущее время. Законодатель, признавая их правильность, не может ограничивать их действие, лишая участников гражданского оборота возможности защищаться в правоотношениях, возникших до принятия нормы законодателем. Если счесть, что право суда ограничить «ростовщические проценты» является элементом должной правовой процедуры, то такое право у суда существует в силу того, что в правовом государстве принцип должной правовой процедуры лежит в основе правовой практики, реализующей идею верховенства права [Зорькин 2014]. То есть принцип должной процедуры может быть не только основанием для признания незаконными действий государства в отсутствие установленной процедуры, но также инструментом интерпретации норм материального и процессуального права, позволяющим отыскивать в складках права такие толкования закона, которые предполагают существование и применение должной правовой процедуры, как имплицитно присущие законодательству в государстве, называющем себя правовым.

Соответственно, вполне был закономерным вывод Конституционного Суда РФ, что «статья 809 ГК Российской Федерации в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ, не противоречит Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования она не может служить формальным основанием для отказа – при наличии к тому объективных обстоятельств – в рассмотрении судом вопроса об уменьшении размера процентов за пользование займом, предусмотренного договором, заключенным до вступления в силу данного Федерального закона, признавшего их ростовщическими. Придание названному законоположению иного значения расходилось бы с государственными гарантиями судебной защиты права собственности и свободы договора, установленными статьями 17 (часть 3), 18, 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (часть 1), 45 (часть 2), 46 (часть 1) и 75.1 Конституции Российской Федерации».

О преюдиции с точки зрения Конституции РФ

Есть два рода законов: одни – безусловной справедливости и всеобщего значения, другие же – нелепые, обязанные своим признанием лишь слепоте людей или силе обстоятельств. Того, кто повинен в их нарушении, они покрывают лишь мимолетным бесчестьем – бесчестьем, которое со временем падает на судей и на народы, и падает навсегда. Кто ныне опозорен – Сократ или судья, заставивший его выпить цикуту?

Д. Дидро

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о преюдиции, Конституционный Суд РФ подчеркнул ценность права на судебную защиту как важнейшей конституционной гарантии всех других прав и свобод и особое место судебной власти в системе разделения властей, ее прерогативы, вытекающие из статей 10, 11 (часть 1), 18, 118, 120–122, 123 (часть 3), 125, 126 и 128 (часть 3) Конституции Российской Федерации, по осуществлению правосудия посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства, а также значение принятых судами решений как государственных правовых актов, имеющих общеобязательный характер. Он также указал, что именно это определяет необходимость полноценного обеспечения справедливости, независимости и беспристрастности судебной защиты, поскольку это является безусловной целью государства при построении механизма судебной власти и при определении порядка отправления правосудия.

Конституционный Суд Российской Федерации напомнил свои правовые позиции, сформулированные относительно природы права на судебную защиту, которое

предполагает наличие институциональных и процессуальных механизмов, которые позволяли бы реализовать данное право в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, не нарушая при этом надлежащий баланс между частными и публичными интересами;

означает предоставление каждому доступа к суду, включая определение условий и порядка реализации права на судебное обжалование, что не должно отменять или умалять права и свободы человека и гражданина, ограничения которых могут быть признаны допустимыми, только если они являются соразмерными и вызываются необходимостью защиты конституционных ценностей;

подразумевает – независимо от вида судопроизводства – обеспечение последовательной государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан и их объединений, направленной на достижение стабильности, определенности и предсказуемости правовых состояний (статусов) субъектов правоотношений с учетом специфики категорий споров;

диктует потребность в оптимальном согласовании отдельных видов процесса, которое применительно к разным способам и процедурам судебной защиты исключало бы отступление от конституционных принципов, лежащих в основе организации судов и их деятельности по осуществлению правосудия, включая общеобязательный характер судебных решений.

Закрепляя право на судебную защиту и единые, универсальные принципы организации судебной власти и отправления правосудия, Конституция Российской Федерации непосредственно не устанавливает процессуальных правил. Ответственность за их урегулирование, в силу ее статей 71 (пункты «в», «г», «о») и 76 (часть 1), возложена на федерального законодателя, который, опираясь на конституционные цели и ценности, полномочен – исходя из объективных особенностей отдельных видов судопроизводства и в пределах предоставленной ему дискреции – определить присущие каждому из них дифференцированные процедуры организации и осуществления, не допуская при этом отступления от общих принципов справедливого правосудия (постановления Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2001 года № 17-П, от 11 мая 2005 года № 5-П, от 21 декабря 2011 года № 30-П, от 13 апреля 2017 года № 11-П, от 28 октября 2021 года № 46-П, от 31 января 2023 года № 5-П и др.)

Фактически Конституционный Суд РФ здесь сформулировал требования к законодателю относительно процессуальных законов, которые одновременно являются критериями их конституционности.

Конституционный Суд РФ, отметив, что положения ст. 69 АПК РФ в полной мере применяются и в банкротных спорах, указал: *«Освобождение от доказывания по вопросу об обстоятельствах, установленных вступившим в законную силу решением суда общей юрисдикции и имеющим отношение к лицам, участвующим в деле, рассматриваемом арбитражным судом, основано на признании преюдициальности вступивших в законную силу судебных актов, обладающих также свойствами обязательности, неопровержимости, исключительности и исполнимости. В противном случае не исключалась бы ситуация, когда акты арбитражных судов выносились бы с отрицанием обстоятельств, ранее установленных решениями судов общей юрисдикции, что, впрочем, не предполагает придания преюдициальности судебным решениям безграничного значения».*

Далее Конституционный Суд РФ «кодифицировал» свои правовые позиции, применимые при оценке преюдициальности судебных актов:

действующие во всех видах судопроизводства общие правила распределения бремени доказывания предусматривают освобождение от доказывания входящих в предмет доказывания обстоятельств, к числу которых процессуальное законодательство от-

носит обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным решением по ранее рассмотренному делу (статья 90 УПК Российской Федерации, статья 61 ГПК Российской Федерации, статья 69 АПК Российской Федерации и статья 64 КАС Российской Федерации), что обусловлено вытекающим из прерогатив судебной власти наделением судебных решений законной силой;

признание преюдициального значения судебного решения, будучи направленным на исключение конфликта, обеспечение стабильности и общеобязательности судебных актов, предполагает, что факты, установленные судом при рассмотрении одного дела, впредь до их опровержения принимаются другим судом по другому делу в этом же или в ином виде судопроизводства, если они имеют значение для разрешения данного дела, что служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности;

наделение судебных решений, вступивших в законную силу, свойством преюдициальности – сфера дискреции федерального законодателя, который мог бы прибегнуть и к другим способам обеспечения непротиворечивости судебных актов в правовой системе, но не вправе не установить те или иные институты, необходимые для достижения данной цели;

введение института преюдиции требует соблюдения баланса между такими конституционно защищаемыми ценностями, как общеобязательность и непротиворечивость судебных решений, с одной стороны, и независимость суда и состязательность судопроизводства – с другой; такой баланс достигается путем установления пределов действия преюдициальности, а также порядка ее опровержения;

пределы действия преюдициальности судебного решения объективно определяются тем, что установленные судом в рамках его предмета рассмотрения по делу факты в их правовой сущности могут иметь иное значение в качестве элемента предмета доказывания по другому делу, поскольку предметы доказывания в разных видах судопроизводства не совпадают, а суды в их исследовании ограничены своей компетенцией в рамках конкретного вида судопроизводства;

в силу объективных и субъективных пределов действия законной силы судебного решения не могут иметь преюдициального значения обстоятельства, установленные судебными актами других судов, если этими актами дело по существу не было разрешено или если они касались таких фактов, которые не являлись предметом рассмотрения и потому не могут быть признаны установленными вынесенным по его результатам судебным актом;

федеральный законодатель вправе предусматривать различные способы опровержения преюдиции, которые при этом не могут исключаться из сферы судебного контроля с точки зрения их соответствия конституционным принципам независимости суда и обязательности судебных решений, вступивших в законную силу (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 года № 30-П и Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 ноября 2014 года № 2528-О⁸).

Полагаем, что данные правовые позиции должны учитываться как законодателем при осуществлении правового регулирования, которое далеко от совершенства, так и правоприменителем при рассмотрении вопросов о преюдициальности обстоятельств, установленных судебными актами.

Мы особенно приветствуем положение о том, что «в силу объективных и субъективных пределов действия законной силы судебного решения не могут иметь преюдициального значения обстоятельства, установленные судебными актами других судов, если этими актами дело по существу не было разрешено или если они касались таких фактов, которые не являлись предметом рассмотрения и потому не могут быть признаны установленными вынесенным по его результатам судебным актом».

⁸ Решений Конституционного Суда РФ, в которых рассматривался вопрос преюдициальности судебных актов, значительно больше.

Ранее мы обращали внимание на появление нового вида злоупотреблений правом – «установление факта, не входящего в предмет доказывания (особенно используя возможности подготовки проектов судебных актов), тогда как в действительности такой факт не был установлен судом и критически не оценивался» [Бенедская 2019, с. 230], то есть суд используют для создания преюдиции для другого дела. Существование такого рода злоупотреблений, безусловно, подрывает доверие к суду. В условиях, когда в обществе сложилось достаточно критичное отношение к судам, трудно доказать обществу, что судья допустил такое злоупотребление лишь ввиду небрежного отношения к отправлению правосудия, а не ввиду коррупционных действий другой стороны. Конечно же, такие явления несовместимы с принципами справедливого судебного разбирательства и не являются правосудными (см.: [Султанов 2021]).

На практике, столкнувшись с тем, что в судебном акте было «установлено» обстоятельство, которое не было подкреплено какими-либо доказательствами и не имело значения для данного дела, а было важно для другого, мы испытали огромное затруднение. При обжаловании в вышестоящих инстанциях суды просто игнорировали этот довод, полагая, что он не влияет на законность судебного акта. В другом же судебном деле, опровергая довод о преюдициальности, мы представили полную копию дела с тем, чтобы доказать, что в судебном акте судом лишь воспроизведен отзыв ответчика, который ничем не подтвержден. Однако и это не гарантировало нам преодоления преюдициальности, нас спасло лишь несовпадение субъектного состава.

Конституционный Суд РФ на основе вышеуказанных правовых позиций сделал вывод, что часть 3 статьи 69 АПК Российской Федерации предполагает, что обстоятельства (факты), установленные вступившим в законную силу решением суда общей юрисдикции по ранее рассмотренному гражданскому делу, не нуждаются в повторном доказывании в рамках арбитражного судопроизводства и не могут быть отвергнуты арбитражным судом, если они имеют отношение к лицам, участвующим в рассматриваемом арбитражным судом деле.

Надо отметить, что Конституционный Суд РФ рассмотрел проблему преюдициальности через призму норм материального права, примененных судами в деле Филатова.

Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливает, что исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено (статья 195); общий срок исковой давности составляет три года со дня, определяемого в соответствии со статьей 200 данного Кодекса (пункт 1 статьи 196); требование о защите нарушенного права принимается к рассмотрению судом независимо от истечения срока исковой давности; исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения судом решения, а истечение срока исковой давности, о применении которой заявлено стороной, служит основанием к вынесению судом решения об отказе в иске (пункты 1 и 2 статьи 199).

В совокупности с положениями гражданского процессуального законодательства, включая прежде всего статьи 133, 134, 152, 194 и 198 ГПК Российской Федерации, это подразумевает, что в случае обращения истца в суд общей юрисдикции с требованием о защите нарушенного права, вытекающим из гражданско-правового договора (например, как это имело место в деле С. В. Филатова, договора займа) суд не правомочен отказать ему в принятии искового заявления по мотиву истечения срока исковой давности, даже если ответчик заявил об этом до начала рассмотрения дела. Суд во всяком случае обязан в предварительном судебном заседании или в судебном заседании исследовать все обстоятельства, имеющие значение для решения вопроса об истечении срока исковой давности, в том числе предусмотренные статьями 202, 203 и 205 ГК Российской Федерации, и только после того, как убедится в обоснованности соответствующего заявления ответчика, – отказать в иске.

Следовательно, решение суда общей юрисдикции об отказе в иске в связи с пропуском срока исковой давности не может быть вынесено без установления фактических обстоятельств дела, свидетельствующих о наступлении соответствующего

юридического факта (истечения срока исковой давности). Без этого судебное решение будет вступать в противоречие с требованиями законности и обоснованности, согласно которым оно во всяком случае должно быть основано только на исследованных в судебном заседании доказательствах (статья 195 ГПК Российской Федерации).

Конституционный Суд РФ также сделал вывод, что «арбитражный суд, рассматривая в рамках дела о банкротстве должника-заемщика заявление кредитора-займодавца о включении его требований, вытекающих из заключенного между ними договора займа, в реестр требований кредиторов, не может не быть связан вступившим в законную силу решением суда общей юрисдикции, ранее отказавшего ввиду истечения срока исковой давности займодавцу в иске, предъявленном к этому же заемщику, о взыскании с него задолженности за пользование займом, т. е. решением, по сути вынесенным по спору, возникшему между теми же лицами и касающемуся того же предмета и тех же фактических обстоятельств».

Не можем не согласиться с выводом о тождественности спора, но напомним, что в суде общей юрисдикции в первоначальном требовании говорилось о 6,8 млн руб., а в банкротном деле – уже более чем о 400 млн руб.

Следующие правовые позиции Конституционного Суда РФ мы полагаем крайне важными для понимания объективных пределов преюдициальности.

«...Хотя решение суда общей юрисдикции о пропуске срока исковой давности может быть обусловлено оценкой им фактов, с которыми законодательство связывает его течение, оно не предполагает обращения арбитражного суда к иным обстоятельствам. Поэтому связанность арбитражного суда выводом суда общей юрисдикции об установлении юридического факта пропуска срока исковой давности не может расцениваться в качестве ограничения предоставленных арбитражному суду нормами Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» полномочий, связанных с проверкой обоснованности требований кредиторов в иных аспектах.

Преюдициальное значение вступившего в силу решения суда общей юрисдикции об истечении срока исковой давности будет распространяться на установленные таким судебным актом фактические обстоятельства. Данная же судом общей юрисдикции их **правовая квалификация (определение юридической сущности), отражающая итоговый вывод соответствующего решения, также не может быть отвергнута арбитражным судом – исходя из обязательности и исключительности решения суда общей юрисдикции (о том же денежном требовании того же истца к тому же ответчику), вступившего в законную силу.** Определяя ее свойства, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, в частности, предусматривает, что после вступления в законную силу решения суда стороны, другие лица, участвующие в деле, их правопреемники не могут вновь заявлять в суде те же иски, на том же основании, а также оспаривать в другом гражданском процессе установленные судом факты и правоотношения (часть вторая статьи 209). Базируясь на применении одних и тех же норм Гражданского кодекса Российской Федерации, она не допускает взаимоисключающих, противоречащих друг другу итоговых выводов, полученных в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства по одному и тому же вопросу, связанному с доступностью заявителю (займодавцу, кредитору) мер судебной защиты с точки зрения истечения предусмотренного законом срока исковой давности».

Таким образом, Конституционный Суд РФ вмешался в старый доктринальный спор, согласившись, что преюдицируются юридические факты. Однако такой вывод Конституционного Суда РФ также основан на тождественности рассмотренных дел:

«...после вступления в законную силу решения суда общей юрисдикции, которым в иске отказано по мотиву пропуска кредитором (истцом) срока исковой давности, арбитражные суды в производстве по делу о банкротстве должника не вправе

преодолевать вывод суда общей юрисдикции об истечении срока исковой давности в споре тех же сторон по поводу того же требования, т. е. в споре, по сути тождественном тому, который уже рассмотрен судом общей юрисдикции».

Конституционный Суд РФ указал, что преодоление законной силы судебного акта должно осуществляться в процедуре пересмотра вступивших в законную силу ошибочных судебных актов, а до тех пор пока обязательность вступившего в законную силу судебного решения, содержащего итоговый вывод об истечении срока исковой давности, не преодолена в порядке, установленном законодательством о конкретном виде судопроизводства, никто, включая сами суды, не вправе уклоняться от ее соблюдения, а потому реализация арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве, полномочий, обусловленных статьями 16, 71 и 100 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и связанных с проверкой обоснованности требований кредиторов, во всяком случае **не должна влечь переоценку данного юридического факта.**

Соответственно, поскольку противоположное толкование не содержалось в АПК РФ, а лишь было осуществлено судами, Конституционный Суд РФ ограничился конституционно-правовым истолкованием части 3 статьи 69 АПК РФ, признав ее соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования она не может расцениваться как позволяющая арбитражному суду, рассматривающему в рамках дела о банкротстве гражданина вопрос о включении в реестр требований кредиторов должника требования, вытекающего из договора займа, преодолеть итоговый вывод об истечении срока исковой давности, содержащийся во вступившем в законную силу решении суда общей юрисдикции по гражданскому делу, ранее рассмотренному между теми же сторонами, по поводу того же требования и в связи с теми же фактическими обстоятельствами.

В Постановлении Конституционного Суда РФ также содержалось указание о том, что «выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл статьи 809 ГК Российской Федерации в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ, и части 3 статьи 69 АПК Российской Федерации является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике».

Таким образом, правоприменительная практика должна измениться, а судебные акты, вынесенные в отношении гражданина Филатова Сергея Владимировича на основании статьи 809 ГК Российской Федерации в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ, и части 3 статьи 69 АПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мы должны признать, что порой конституционализация тех или иных положений законов происходит исключительно благодаря вынесению несправедливых судебных актов. Поэтому если Вы получили в суде явно несправедливое решение, не спешите расстраиваться – быть может, это Ваш шанс улучшить правовое поле России. Но если это так, то рекомендуем не игнорировать существующую доктрину. Наш опыт также показывает, что порой в доктрине уже содержится правильный ответ...

P. S. Не можем не добавить, что борьба за справедливость даже после того, как Конституционный Суд РФ Вас «поддержал», может не просто продолжиться, но и порой набрать еще большие обороты, но это не повод опускать руки. Так, заявитель Филатов столкнулся с тем, что на основании вышеуказанного постановления Конституционного Суда РФ его процессуальные противники обратились с заявлением об отмене по новым обстоятельствам судебного акта, которым ранее им было отказано на основании пропуска срока исковой давности. Как ни удивительно, Определением Дзержинского рай-

онного суда города Волгограда от 6 февраля 2024 года удовлетворены заявления Никифорова и финансового управляющего должника об отмене по новым обстоятельствам решения этого суда от 28 февраля 2019 года, которым в иске Н. к С. В. Филатову о взыскании суммы долга по договору займа, процентов и судебных расходов было отказано по мотиву пропуска срока исковой давности и производство по делу возобновлено. Обжалование этого определения к успеху не привело, и С. В. Филатов снова обратился в Конституционный Суд РФ, теперь уже с ходатайством о разъяснении, какие судебные акты могут быть пересмотрены в связи с принятием Конституционным Судом РФ Постановления от 25 декабря 2023 года № 60-П, и, в частности, уточнить, что пересмотру подлежат лишь те судебные акты, в которых одновременно применены статья 809 ГК РФ (в оспоренной редакции) и ч. 3 ст. 69 АПК РФ в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в названном Постановлении; право на такой пересмотр принадлежит исключительно С. В. Филатову и не может быть реализовано иным лицом, включая финансового управляющего; пересмотр судебных актов распространяется только на судебные акты арбитражных судов, вынесенные по делу о банкротстве С. В. Филатова.

Определением Конституционного Суда РФ от 09.07.2024 № 1755-О-Р «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2023 года № 60-П по ходатайству гражданина С. В. Филатова» было подтверждено, что п. 4 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2023 года № 60-П, в соответствии с которым судебные акты, вынесенные в отношении гражданина С. В. Филатова... подлежат пересмотру в установленном порядке, – означает необходимость такого пересмотра только по его заявлению и не предполагает обращения за указанным пересмотром иных лиц, являвшихся участниками конкретного дела, в связи с которым им была оспорена конституционность данных норм.

Список источников

- Авдюков М. Г. Принцип законности в гражданском судопроизводстве. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. 203 с.
- Арбитражная судебная система: сделано многое, предстоит сделать еще больше // Юрист предприятия в вопросах и ответах. 2011. № 5 (май).
- Бенедская О. А. Преюдиция в арбитражных и третейских судах: теоретические и прикладные проблемы в свете запрета злоупотребления процессуальными правами // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9, № 4. С. 216–235. DOI 10.24031/2226-0781-2019-9-4-216-235.
- Боннер А. Т. Избранные труды : в 7 т. Т. 4 : Проблемы установления истины в гражданском процессе. М. : Проспект, 2017. 656 с.
- Зорькин В. Д. Цивилизация права: современный контекст // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 5. С. 1–15.
- Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). Памяти Вениамина Федоровича Яковлева посвящается / под общ. ред. Т. К. Андреевой, М. К. Юкова, В. В. Зайцева, Г. Д. Улетовой, О. В. Зайцева. М. : Статут, 2021. 1400 с.
- Курс советского гражданского процессуального права : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. А. А. Мельников. М. : Наука, 1981. 464 с.
- Мацкевич П. Н. Преюдиция в гражданском и административном судопроизводстве. М. : Статут, 2020. 239 с. Текст : электронный. URL: <https://www.consultant.ru/about/software/cons/kommentarii/#comment> (дата обращения: 14.01.2024). Режим доступа: по подписке.
- Султанов А. Р. Арбитражное флеш-правосудие? // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11, № 1. С. 60–77. DOI 10.24031/2226-0781-2021-11-1-60-77. EDN KSYBAZ.
- Султанов А. Р. Вопросы межотраслевой преюдиции // Адвокат. 2011. № 6. С. 34–42. EDN NVXNGN.

Султанов А. Р. Правовая определенность и антимонопольное законодательство // Арбитражная практика. 2007. № 4. С. 59–65.

Султанов А. Р. Право на обжалование, или проблема преодоления обязательности судебных актов // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 2. С. 47–72. DOI 10.24031/2226-0781-2022-12-2-47-72. EDN AJWITS.

Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права : в 2 т. Т. 1. М. : КонсультантПлюс : Статут, 2005.

Информация об авторе

Айдар Рустэмович Султанов, руководитель представительства «Пепеляев Групп» в Татарстане, адвокат, канд. юрид. наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, арбитр арбитражного центра РСИП (Нижекамск, Россия).

Information about the author

Aidar R. Sultanov, Head of the Pepelyaev Group Representative Office in the Republic of Tatarstan, Cand. Sci. (Law), practicing attorney, Honoured Lawyer of the Republic of Tatarstan, and arbitrator for the Arbitration Center of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (Nizhnekamsk, Russia).

Статья поступила в редакцию | Submitted 16.01.2024.

Одобрена после рецензирования | Revised 16.02.2024.

Принята к публикации | Accepted 20.02.2024.